

НАРКОБИЗНЕС И ВЛАСТЬ, ФОРМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ – КОРРУПЦИЯ.

Коррупция в современной России за последние два десятилетия достигла такого уровня, что проблема из криминологической стала превращаться в политическую. Усталость от противостояния с коррупцией и её инфильтрация во все сферы общественной жизни повлекли рост толерантного отношения к коррупции: в 2006 году ВЦИОМ провёл опрос, согласно которому значительная доля населения даже не считает коррупцию преступлением.

Действительно, различные данные говорят о росте коррупции в России и о низкой эффективности антикоррупционной политики. Так, в 2009 году Россия занимала в рейтинге организации Transparency International 146 место, а в 2010 г. снизилась до 154. В 2009 году рынок коррупционный рынок в России организацией Transparency International оценивался в \$300 млрд. В 2010 г. удельный вес коррупционных преступлений вырос в общем массиве на 7%, но составил менее 1%, выявляемость при этом снизилась на 11% по сравнению с 2009 г., а средний размер взятки вырос с 23 тыс. до 30,5 тыс. рублей. Доля преступлений, по которым взятка составила более 1 млн. рублей, не превышает 1,5%. Очевидно, что уголовно-правовые меры по борьбе с коррупцией не достигают своей цели.

Согласно проведённому Трансперенси Интернешнл в 2009 году исследованию, мировой финансовый кризис подстегнул коррупцию: за последний год она выросла в мире на 9%. Одним из драйверов спроса на наркотики директор ФСКН России В.П. Иванов назвал скрытый спрос финансовых учреждений, который в три раза мощнее биологического и разгоняет общий спрос на наркотики, сохраняет его и воспроизводит наркорынки¹. Следуя формальной логике, можно предположить, что в условиях международного кризиса коммерческий спрос финансовых институтов на наркодоходы является фактором детерминирующим коррупцию. Каким образом «устроено» данное коррупционное взаимодействие наркобизнеса и коррупции?

Наркобизнес (или наркоэкономика) – это социальная патология,

¹ Выступление председателя ГАК директора ФСКН В.П. Иванова на всемирном экономическом форуме 26 января 2012 г., Давос. // В будущее - с надеждой. Выступления директора ФСКН России В.П. Иванова, ноябрь-декабрь 2012 г. – М.: ФСКН, 2012. – С. 103.

выражающаяся в воспроизводстве сложно взаимосвязанных противоправной и легальной деятельности, направленной на поддержание и удовлетворение спроса на наркотики, функционирование незаконных рынков оборота наркотиков, с целью получения постоянного дохода лицами, им занимающимся². Наиболее эффективным инструментом развития наркобизнеса традиционно является создание организованных преступных формирований. Наиболее точное определение организованной преступности дал проф. А.И. Гуров на проходившей в 1991 году в Суздали международной конференции ООН по проблемам оргпреступности: «Это относительно массовое, групповое, устойчивое и управляемое сообщество преступников, занимающихся преступлениями как промыслом и создающих систему защиты от социального контроля с использованием таких противозаконных средств как насилие, коррупция и крупномасштабные хищения». В данных определениях мы вторично находим подтверждение неразрывной связи наркобизнеса и коррупции.

Но как совместить коррупцию, исходящую от организованной преступности, являющейся подсистемой наркобизнеса, с коррупцией в правоохранительных органах, в частности, в органах по контролю за оборотом наркотиков?

Представляется, первоначально необходимо разобраться с этиологией определения коррупции. Согласно определению, используемому в Справочном документе ООН о международной борьбе с коррупцией *«Коррупция – это злоупотребление государственной властью для получения выгоды в личных целях»*. Рабочее определение междисциплинарной группы по коррупции Совета Европы еще более широко: *коррупция представляет собой взяточничество и любое другое поведение лиц, которым поручено выполнение определенных обязанностей в государственном или частном секторе и которое ведет к нарушению обязанностей, возложенных на них по статусу государственного должностного лица, частного сотрудника, независимого агента или иного рода отношений и имеет целью получение любых незаконных выгод для себя и других*.

Характерным признаком коррупции является конфликт между действиями должностного лица и интересами его работодателя либо

² Измайлов В.В. К вопросу о криминологическом феномене наркотизма // Мир юридической науки. – 2012, №4. – С. 63-69.

конфликт между действиями выборного лица и интересами общества. Коррупции может быть подвержен любой человек, обладающий *дискреционной властью* — властью над распределением каких-либо не принадлежащих ему ресурсов по своему усмотрению (чиновник, депутат, судья, сотрудник правоохранительных органов, администратор, экзаменатор, врач и т.д.). Главным стимулом к коррупции является возможность получения экономической прибыли (*ренты*), связанной с использованием властных полномочий, а главным сдерживающим фактором – риск разоблачения и наказания. Т.о. необходимым условием коррупции является наличие правоохранительного органа, как института социального контроля, в лице должностных лиц, наделённых властными полномочиями.

Коррупция – есть свойство, продукт дискреционной власти. Но, если коррупция есть средство защиты наркобизнеса, то как может наркобизнес защищаться свойством, которое ему не принадлежит? В данном случае коррупция выступает как функция, имеющая математическое и социальное измерение. Примем уровень коррупции (K) за 1. Если уровень $K > 1$, то чем выше разрыв, тем более выражается функция сращивания криминала и власти, тем более выражены давление самих органов контроля на объект контроля и тенденция подчинения объекта контроля влиянию субъекта контроля. Уровень «крышевания» сменяется уровнем фактического участия в преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотиков, и сменой статусов «сотрудник (контролёр) – участник наркорынка». Происходит сращивание объекта контроля и криминала; контролёр становится источником преступности.

При уровне $K < 1$, наркобизнес вынужден наращивать давление на субъект контроля, используя насилие, организуясь по военному типу и используя максимум социальной мимикрии для сокрытия от институтов социального контроля. В районе около 1 коррупционные тенденции наркобизнеса нейтрализуются нормальными процедурами контроля, о фактах коррупции быстро становится известно, и принимаются неотложные меры реагирования.

Таким образом, анализируя определение проф. А.И. Гурова, можно сделать вывод о том, что составляющие механизма защиты организованной преступности, насилие и коррупция, взаимно сбалансированы. И в зависимости от предложенной модели, усиливается та или иная составляющая. Представляется, что решение о ликвидации в недавнем прошлом структуры по борьбе с

организованной преступностью в составе МВД России было продиктовано рамочным представлением о ней, когда считается, что ОПГ неразрывно связано с насилием. Упускалось из вида, что сращивание власти и криминала делает применение насилия исключительно точечным механизмом защиты. Так, количество преступлений, совершённых в составе ОПГ с 2003 по 2008 гг. выросло на 52%. Количество убийств и покушений на убийств в составе ОПГ при этом снизилось на 49,1%; количество вымогательств в составе ОПГ снизилось на 15%; количество преступлений, совершённых в составе ОПГ с применением огнестрельного оружия – на 33,1%. Количество преступлений, предусмотренных ст. 209 УК РФ (бандитизм), неразрывно связанных с организованным насилием неуклонно снижается и за период 2001-2009 гг. снизилось в 2 раза, при этом число выявленных преступлений, совершённых в составе ОПС за тот же период выросло в 3,2 раза; количество экономических преступлений, совершённых в составе ОПГ выросло в 1,87 раза, а количество наркопреступлений, совершённых в составе ОПГ, выросло в 1,5 раза. Параллельно, в этот же период число коррупционных преступлений выросло почти в 2 раза.

Следовательно, эмпирические данные подтверждают, что коррупция в условиях нынешней социальной реальности является лучшим механизмом защиты от социального контроля, чем насилие, что не должно вселять ложных иллюзий по поводу победы над организованной преступностью. Более того, коррупционное растление создаёт обратное давление на криминал, стимулируя последний на получение дополнительной финансовой и иной материальной выгоды. Рост экономических преступлений и наркопреступлений в составе ОПГ, и рост коррупционных преступлений являются своего рода сообщающимися сосудами. Совершенно справедливо по данному поводу высказался проф. В.С. Овчинский, сказав, что борьба с организованной преступностью без борьбы с коррупцией бессмысленна³. В полной мере данный тезис распространяется на борьбу с наркобизнесом.

Противодействие наркобизнесу одна из основных функций органов наркоконтроля, следовательно важно понимание того, о какой коррупции идёт речь: о коррупции, которая является внешней угрозой органам наркоконтроля, либо о потенциале коррупции,

³ Интернет-ресурс: <http://crimpravo.ru/tag>

который, без всякого сомнения, заложен в любую систему контроля и, реализуясь, порождает антисоциальный феномен «оборотней в погонах»?

Представляется, что системный подход предопределяет необходимость выбора широкого понимания феномена коррупции в органах наркоконтроля. С криминологической точки зрения для разграничения форм коррупции может служить модель преступности, связанной с незаконным оборотом наркотиков, элементами которой выступают преступность, связанная с функционированием наркорынков, и преступность, связанная с противодействием институтам социального контроля. Совершенно очевидно, что подкуп отдельного сотрудника участниками наркорынка в целях обеспечения своей безопасности будет относиться к противодействию институтам социального контроля, в то время как сговор группы сотрудников наркоконтроля в целях незаконного сбыта наркотиков будет классическим наркопреступлением. Однако, практика показывает, что данные элементы могут смешиваться или выступать в комплексе в случаях, когда, например, подкупленных сотрудников используют в целях устранения конкурентов на наркорынке. В данной «смешанной» области наиболее опасная форма коррупции – устранение честных и принципиальных сотрудников правоохранительных органов силами коррумпированных коллег.

Нельзя недооценивать опасность коррупционного давления наркобизнеса на органы наркоконтроля, тем более, когда доходы личного состава не просто не сопоставимы с наркодоходами, но в ряде регионов не позволяют сотруднику психологически осознавать свою принадлежность к «среднему классу», удовлетворять установленные в массовых социальных группах материальные потребности. Последние растут много быстрее, чем возможности их удовлетворения. По законам социальной психологии потребности непременно растут по мере удовлетворения предыдущих, а оценка своих достижений происходит путём сравнения с достижениями социального окружения. Меркантилизация социальных отношений в современном российском обществе не оставляет надежды на то, что на смену материальным потребностям придут идеальные. Не стоит этого ожидать и от сотрудников наркоконтроля. Установка «жить по средствам» тогда равноценна призыву к самоизоляции.

Отметим, что не следует и переоценивать значение коррупционного давления на органы наркоконтроля, т.к. коррупция

не носит примитивного характера взяточничества. Высокодоходная оргпреступность выработала множество схем коррупционного воздействия на институты социального контроля: лоббирование принятия выгодных нормативных правовых актов и их толкований (несомненно, к их числу принадлежит «потолок» в 6 млн. рублей по ст. 174.1 УК РФ), информационное давление с целью внедрения в массовое сознание толерантного отношения к наркотикам, крупномасштабные хищения в социальной сфере, обуславливающие макросоциальные детерминанты наркопотребления, финансирование теневой науки для получения рецептур новых видов психоактивных веществ, официально ещё не отнесённых к наркотикам и т.д. Умело используются пробелы в законодательстве, слабости правоприменения и иные системные недостатки субъектов контроля. Наконец, заинтересованность финансово-экономической элиты общества в наркоденьгах обуславливает лоббирование ими принятия властных решений, выгодных в конечном итоге, наркобизнесу. Очевидный пример – тяжелое и длительное принятие половинчатых решений об ограничении продаж кодеиносодержащих препаратов. Так что, в ряде случаев сотрудники органов наркоконтроля остаются «недостойными» внимания наркодельцов: свои проблемы они решают на более высоком уровне.

Пристального внимания заслуживает такой «неудобный» мотив коррупции, как личная заинтересованность в достижении показателей оперативно-служебной деятельности, когда они обеспечиваются искусственным стимулированием наркорынков, сговором сотрудников с преступниками, сделками с ними (они «нам» показатели – «мы» им безопасность). На уголовно-правовом языке такой мотив называется «ложно понятые интересы службы». В данном случае внешним стимулом к коррупции будет выступать внутрисистемное давление, под воздействием которого сотрудник теряет морально-психологические ориентиры.

Классический вариант – ликвидация преступных группировок или крупного канала поставки наркотиков, после чего в период естественной реструктуризации наркорынка снижается выявляемость и раскрываемость преступлений, особенно групповых. Любой сотрудник наркоконтроля расскажет о колоссальном давлении в данный период с целью т.н. «стабилизации» ситуации, которая в иных случаях принимает тяжёлые формы психологического воздействия на личный состав.

Как одно из возможных последствий стихийно формируется такая организация оперативно-служебной деятельности, которая позволяет сохраняться ключевым участникам наркогруппировок и быстро регенерироваться, обеспечивая нужные показатели. На жаргоне оперативных сотрудников такая система называется «стричь газоны, а не вырывать траву с корнем». Данная тема обходится молчанием. Наиболее часто звучит тезис о том, что сотрудники «не должны так работать», поэтому не стоит об этом и говорить. Однако же, в теории они и не должны брать взятки, но популярность коррупционной тематики только растёт.

К сожалению, известный научный принцип неопределённости в социальной природе выражается в поливариантности поведения индивидов, которая предопределяет возможность выбора некоторыми группами сотрудников различных форм противоправного поведения как способа адаптации к внутрисистемному кризису, например, сговора с участниками наркорынка или фальсификация результатов оперативно-служебной деятельности, служебный подлог. Безусловно, никакие завышенные требования не могут послужить оправданием для правонарушителей, но важно понять, что противоправное поведение сотрудников является в данном случае последствием нарастания хаоса в самой системе.

Не выдерживает критики правоприменение по коррупционным статьям УК РФ. Зачастую изобличение преступника, пытающегося склонить сотрудника наркоконтроля к коррупционным действиям, является настолько трудоёмким процессом (в отличие от самого акта коррупции: взял деньги – разбежались), что сотрудники попросту уклоняются от участия в такой работе. Имеет значение и необходимость взаимодействия с подразделениями собственной безопасности, имидж которых в среде оперативного состава и следователей, как известно, оставляет желать лучшего. Автор данной статьи неоднократно в своей практике участвовал в ОРМ по пресечению коррупционных предложений от наркопреступников, и оценивает трудозатраты, как очень высокие. Много проще категорически отказаться от коррупционного предложения, но тогда преступник может продолжить поиск «слабого звена» в другом подразделении.

Таким образом, борьба с коррупцией в органах ФСКН не должна сводиться к контролю за имущественным благосостоянием сотрудников и членов их семей, к разработке детальных инструкций

и антикоррупционных стандартов. Хотя при этом не будет излишним введение декларирования расходов, изучение кредитных историй личного состава и членов их семей, обследование на полиграфе, а также введение ответственности за недонесение о коррупционных предложениях. Также это многоплановая деятельность, связанная с совершенствованием системы оценки деятельности и выработкой механизмов компенсации внутрисистемного давления.

В более широком смысле, противодействие наркокоррупции неразрывно связано с выработкой не декларативных, а реальных мер по подрыву экономических основ наркобизнеса, введением института конфискации имущества, превращением ст. 174.1 УК РФ из декларативной в работающую, возложение бремени доказывания правомерности происхождения доходов на наркопреступников и коррупционеров, введением институтов жёсткого финансового контроля для финансовых учреждений, созданием в обществе нетерпимого отношения к нетрудовым доходам, принятием нормативных правовых актов, основанных не на политических пристрастиях, а на основе строгого криминологического изучения действительности и т.д.